

Н. Д. БЛУДИЛИНА*

РУССКАЯ ТЕМА В НАЧАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ НЕГОША

Резюме: В статье исследуется раннее поэтическое творчество Петра Петровича Негоша: первое его собрание стихотворений «Цетинский Пустынный» (1833), написанных под впечатлением поездки по России, большая часть этих стихов посвящена русской теме. Проанализированы метафорические образы од, посвященных Николаю I и тогдашнему наследнику престола, будущему императору Александру II, и другие. В них Негош дает грандиозные образы Российской империи, поэтически связывает воедино русский патриотизм и славянский, стихи проникнуты уважением к славе и могуществу русской державы. Россия для черногорского поэта уже в ту пору представляла собой мессианский прототип культуры, во внутренне осознаваемую задачу которого входит создание высшего божественного порядка в неупорядоченной вселенной, виделась ему той новой силой, которая действительно способна обновить человечество.

Ключевые слова: *Негош, начальная поэзия, русская тема, художественные образы императоров Николая I, Александра II, России, Петербурга, Москвы, Невы, Дона*

Поэтическое дарование Петра Петровича Негоша нашло первое свое выражение в подражании народной песне. Влияние народной стихии на молодого начинающего певца прекрасно изображено П. А. Ровинским, он рассказывает, как молодой Раде проводил свое детство на высотах Ловчена, где пас стада своего отца [15].

В 1829 году юному Негошу попала одна русская книжка о последней войне императрицы Екатерины Великой с турками. Раде, хорошо зная церковно-славянский, без затруднения понял русскую книгу и, воодушевившись русскими победами, написал об этой войне песню, кото-

---

* Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

рую распевалась тогда в Черногории под звуки гусель. К этим первым опытам, относится и песня «Цермничане», напечатанная Милутиновичем в Черногорских и Герцеговинских песнях (1833. 75 стихов) [6]. По ней можно судить насколько молодой поэт умел искусно подражать народной песне. Те же, что и в народных черногорских песнях эпитеты, например, «крвава шехер Подгорица», «поље широко» и т. д., сохранены народные выражения: «западе друму», «жећи пeverдана», «брешки пушки живи огањ даје» [7].

Но особенно хороша была написанная Радом в семнадцать лет песня «Бож Руса са Турцима 1828 године» [8]. И по объему (свыше 700 стихов, содержание всей этой песни с переводом отрывков передано у П. А. Лаврова [3].), и по красоте, и по патриотическому одушевлению она может считаться одним из лучших подражаний Негоша народной песне. В заметке к отдельному изданию этой песни говорится, что народ черногорский так ее полюбил, что почти всякий Черногорец знал её наизусть и охотно поет под звуки гусель [8].

В этой песне владыки русский император Николай I представлен защитником всех балканских христиан без различия народности, страшным туркам и непобедимым. Страх внушаемый туркам русским именем, прекрасно выражен в речи сановников султана, когда они узнают об объявлении войны: они в страхе, что если «Москов» объявил войну, ни никому из них это не любо; но с ним воевать напрасно; они с тревогой говорят, что с воцарения Петра они несли поражение в каждой битве, ему уступили половину своего царства, теперь «Москов» отнимет и другую. Призванный на совет древний старец Настрадаин советует султану согласиться на все требования русского царя, ибо всякий «Москов» предпочтет погибнуть за своего царя, и свою веру, чем сделаться царем в Турции. Далее следуют воспоминания старца Настрадаина, который помнит все войны, всякую битву и постоянно ведет войну с «Московами», и является поэтическим олицетворением судьбы Турции в прошлом и настоящем. В его речи образно соединены Негошем мифологизация событий и сатирически гротескное описание «мук» турка от страха перед геройством «Московов». Во время Петра I, когда велись непрерывные войны с русскими, три раза сменились у старца Настрадаина волосы и три раза выростали кровавые. Но и Петра мог он перенести, пока не родилась «великая гяурка» (Екатерина II) и воцарилась императрицей «московской». От страха пред ней и ее генералом Кутузовым повыпали, у него все зубы «из верхней и нижней челюсти». Тогда в битве турки проливали кровь, было 12 сильных турецких юнаков, а когда

они бежали, не осталось ни одного. По его словам, турки оказались такими трусами, что все бежали, куда глаза глядят, и все к своему Стамбулу, чтобы укрыли их от «гяура» турчанки. Только старик Настрадаин остался в Адрианополе, раненым от руки казака, здесь его лечили доктора и вынули из его плеч 74 копья, которые вонзили в него казаки во время бегства [8]. Эти гиперболизированные «муки» старца Настрадаина – кара Господня, жестокий урок захватчикам чужих земель!

Можно вспомнить строки русского поэта Г. Р. Державина (он был известен Негошу), написанные «На взятие Измаила» в 1790 г.: «Луна полна на башнях крови / Поникли гордой Мекки брови / Стамбул склонился вниз челом».

В заключении песни «Бој Руса са Турцима 1828 године» выражена уверенность, что близится конец владычеству турок в Европе:

И нек зна се, докле је свијета,
Како чини бољи од горега;
И нек знаде грдни Османлија,
Да каурка може родит цара,
Тер уз цара божијега дара.
Па ако му јш једаред кресне,
Да без чуда из Европе скокне:
Нек излази, откуда је доша;
Вријеме је, скок је његов проша;
Он га тамо, не бит ни овамо.
Све бијеле виле од свијета
Сад питају Махмута султана,
Како му је с Русом ратовати,
Какви су му Турни витезови,
Мудро ли му збори Настрадаине.
У Ал' се виле топрв домислиле,
Николају царске даре дају
Пак султана Русине одбрану:
Све да воле, што је не волео,
Да се соли, што је не солио.
И то било, истина је било:
Оће нама мир и здравље било [8].

Так поэтическое дарование молодого Негоша нашло первое свое выражение в русской теме и в подражании народной песни. Это было

вполне естественно в стране, в которой не было дома, где бы не раздавались гусли, под мелодию которых воспевались бесчисленные славные подвиги народных героев, хранителей сербской независимости и доблестных борцов против мусульманского нашествия. (По черногорскому воззрению: «Ђе се гусли у кућу не чују, / Ту је мртва и кућа и људи», т. е. «Где не слышно гусель в доме, / Мертвы и дом и люди» [15].)

Но одного влияния народной стихии недостаточно было для развития поэтического таланта молодого юноши. Хорошо известен факт благотворного воздействия на Негоша сербского писателя Симеона Милутиновича (он приехал в эти годы в Черногорию, в Цетинье) и познакомил молодого поэта с европейской романтической литературой.

В 1830 году юный Раде был выбран приемником умершего владыки Петра I. Заботы об управлении страной и борьба с турками мешали ему заниматься поэзией. Лишь, вернувшись из России в 1833 году, владыка издал первое собрание своих стихотворений «Цетинский Пустынный» [10]. Большая часть заключавшихся в них стихотворений написана под впечатлением поездки по России. Любезное радушие, с которым был принят молодой владыка в Петербурге, оставило в его душе благодарное воспоминание, а могущество и богатство России, успехи русского просвещения вызвали чувство почти восторженного поклонения. Потому и неудивительно, что большая часть стихов сборника посвящена России. Из них три оды – Николаю I (№ 2 «Ода на дан рођења сверусијског Императора Николаја првога»; № 3) и тогдашнему наследнику престола, будущему императору Александру II (№ 4 «Ода на дан рођења Наследника руског престола Царевића»). В их поэтической форме Негош придерживается традиционного жанра торжественной оды; высокого стиля и лексики, соответствующих значительному содержанию. В этих стихах Негош связывает воедино русский патриотизм и славянский: «О славянство, со времени своего появления славное, / с алтаря сердца и души принеси искренние и чистые жертвы / ... Ныне день рождения Николая, твоего Марса / истинного царя твоего Олимпа. / ... Храбрый русский да будет твоим вождем на пути к славе...» [10]

В первой оде, на 25 июня, день рождения Николая I, дан его образ как Зевса «громовержца», идеального монарха: «правосудного, милостивого, в делах мудрого и великого, на ратном поле храброго, на престоле великодушного», его рука «держит счастье и несчастье половины трех частей света», одних низвергает, других воздвигает, ее помощи ищут многие, «притекая» под ее защиту [10]. Очевидно, здесь находит отражение многолетняя славянская литературная традиция вос-

приятия силы монарха как помазанника Божьего: он явлен как могущественный человек-творец, сеющий свет во тьме и представляющий волю Бога на земле.

Представлен в стихах и грандиозный метафорический образ России с ее огромными просторами «от моря Балтийского до Черного», исполненный могучей деятельной энергии: «вскипающие» своими водами Москва, Нева, Волга, Дон всему миру «от Германии до Китая» «гласят славные дела» «потомка Романова». «Раскаты грома» посылает Зевс, русский царь, с высоты гор «славянского Олимпа», которые пробуждают от давнего сна все народы: «Николай восстанавливает их права, охраняет и защищает с обнаженным мечом в руках». Он держит на плечах «гордый, льдами покрытый Кавказ», «схватившись за его твердую ось», потрясает его, и его «дикие обитатели» падают к его ногам, признают его своим государем. Его рука сокрушила царство персов и османов. «Всё это деяния славянского царя и куплено дорогой славянскою кровью!» – восклицает поэт, и призывает: «Трепещите и падайте ниц перед ним сопротивные!» [10]

Далее в оде следует призыв к русской нации: «Но всех больше радуйся ты, великое русское племя, которое идешь шагами Рима, под управлением Николая; тебя осеяло молодое солнце (млади Феб). Дух Петра и Фридриха сидят на высоком троне, он мудро властвует тобой, одевает тебя в одежды новой славы; под его мудрой властью ты возросло и возрастешь превыше всякого рода на земле. Слава Галла и Британца помянется пред твоей...» [10]

В русской поэзии XVIII – первой половины XIX века есть подобная мифологема, связанная с образом Петра Великого. Преобразователь России представлен символом богатырской мощи человека, гигантом и исполином, как эпический герой, повелевающий стихиями и отстаивающий также опоэтизированную Россию: «На запад смотрит грозным оком / Сквозь дверь небесну Дух Петров, / Во гневе сильном и жестоким / Преступных он мятет врагов» («Ода на прибытие ея величества великия государыни императрицы Елисаветы Петровны...»). По М. В. Ломоносову – священная историческая миссия России, заповедованная предками, нести в Европу мир, Россия стремится образумить западные народы, получившие жестокий урок войны, призывает их жить в добрососедстве: «Народы, ныне научитесь, / Смотри на страшну гордых казнь, / Союзы разрушать блюдитесь, / Храните искренню приязнь...» («Ода на прибытие ея величества великия государыни императрицы Елисаветы Петровны...»). Высоким одическим стилем о величии России

писал Г. Р. Державин: «Услышь, услышь, о ты, вселенна! / Победу смертных выше сил; / Внимай Европа удивленна, / Каков сей россов подвиг был. / Языки знайте, вразумляйтесь, / В надменных мыслях содрогайтесь; / Уверьтесь сим, что с нами Бог; / Уверьтесь, что его рукою / Один попрет вас росс войною, / Коль встать из бездны зол возмог!» («На взятие Измаила»).

В финале оды Негош пафосно призывает всех славян сплести «венцы бессмертия» и венчать ими главы Николая и Александра: «А мы, твои братья, в горах черногорских, мы любящие глас свободы, / в наших простых сердцах воздвигнем памятник защитнику наших прав Великому Николаю, / и вовек он будет в них стоять чистый, пылающий искренностью, / подобно лучам светлого солнца в чистом брильянте» [10].

Негош в этой оде оставляет в стороне все ошибки и неудачи культурного европеизированного развития России, которые приносились извне, или имели внутренний временный характер (смотри также ниже анализ оды Неве).

Российская «молодая» светская культура, рассматриваемого периода, действительно содержала много положительного для других народов. Она динамично развивалась на протяжении XVIII века и не имела тех негативных характеристик, которые присущи были более «старой» европейской цивилизации. Начало XIX века явило активный поиск лучшими умами национальной идеи, формирование национального самосознания: необходимо было осознать специфику собственной национальной культуры, выяснить ее место в европейской и мировой истории, определить ее исторический потенциал и перспективы развития. Самоосмысление России в мировом контексте, сопоставление идеалов и действительности, особенности реализации теории прогресса стали важными составляющими формирования русской идеи, приводят ее к мысли о своей особой миссии. Весь XIX век «говорили» о самоценности России независимо от степени ее преемственности по отношению к Византии и Западу, ее специфическом положении между Востоком и Западом, явилась тогда мысль об особом назначении России, о ее богоизбранности как страны, являющейся оплотом истинной веры (и продолжает реализовываться в разных формах вплоть до нашего времени!)

В экспрессивном духе написана и другая ода Негоша императору Николаю I, в которой он прославляется, как победитель турок и защитник христиан от неверных, и которой предпослан многозначительный эпиграф:

Шта ћеш мају плести вјенец,
Кад му га је сплео творац [10].

Можно здесь провести также параллель с творчеством Державина, в одах которого героико-патриотическая тема занимает большое место: боевые подвиги русского народа поэт прославлял всю свою жизнь, начиная с 1780-х годов, когда шла русско-турецкая война, и кончая победами над Наполеоном. Войне с турками посвящены известные его стихотворения: «Осень во время осады Очакова» (1788), «На взятие Измаила» (1790). Главным героем этого цикла является не российский самодержец, а другой державный исполин – «росс», обобщенный образ русского воинства: «О росс! О род великодушный! / ... О исполин, царю послушный!» («На взятие Измаила»). Следуя за ломоносовской традицией, Державин в эмоционально приподнятой манере, с помощью торжественной лексики рисовал картины боя, в которых проявляет чудеса храбрости росс – «исполин», «твердый и верный», чья «твердокаменная грудь» смело противостоит врагу: «О кровь славян! Сын предков славных! / Несокрушаемый колосс! / Кому в величестве нет равных, / Возросший на полсвете росс!» («На взятие Измаила»).

Ода Негоша на день рождения наследника, будущего императора Александра II, столь же как и другие насыщена и торжественными метафорами, и яркими аллегориями и метафизическими олицетворениями, которые создают грандиозный образ свершения чудесного и судьбоносного для России события.

Здесь создан замечательный в своей экспрессии лик державной столицы – «Петрова града», как могучего Громовержца, ликующего в своей неуёмной силе: «Чудное совершается! / Петров град сияет, / блещет, сыплет молнии, / бросает громы / и над ним в воздухе / текут огненные реки». Город поэтически оживает под пером Негоша: «Светлая и славная Нева / идет смело и весело / плести венец бессмертия / великому новорожденному, / а чудный Петрополь / в ее водах / видит радостное лицо, / гордится и веселится, / потому что видит рождение / наследника своей славы, / во всем подобного отцу» [10]. Безусловно, здесь сказываются и живые впечатления поэта посетившего Петербург, которым он восхищался, а в его поэзии рождались образы, призванные символически зафиксировать победы человеческого гения, которому сама природа плетет ему венец бессмертия.

Негош в своих одах близок известной традиции русской литературы: Петербург как символ победы человеческого гения над стихией

представлен в творчестве многих русских писателей, и в их числе и романтики. По Жуковскому (в этом он следовал за Шиллером), человек достигает согласия с силами божества, природы, с силами собственной своей судьбы именно через культуру и цивилизацию, доцивилизационное прошлое человечества мрачно и кроваво. Жуковский в своей поэзии прославил цивилизацию как основу благоденствия человечества, и не только материального, но и духовного.

Поэту далее слышится голос храброго русского: «Здравствуй и преуспевай Александр! / Да будут тебе примером / твои великие родители, / иди по их стезям и быстро достигнешь всемогущества древнего Рима...» [10]

Подобное обращение есть в оде Г. Р. Державина «На рождение в севере порфирородного отрока» (написана по поводу рождения будущего императора Александра I, впервые опубликована в «Санктпетербургском вестнике», 1769, № 12):

Возрастай, дитя прекрасно!
Возрастай, наш полубог!
Возрастай, уподобляясь
Ты родителям во всем;
С их ты матерью равняясь,
Соравняйся с Божеством.

Сравним у Негоша:

Жив', напредуј Александре!
Примером ти нека буду
Твои вели родители,
Путем сваким хајде њиним...

И ниже:

Расти брже, Александре!
Славенскога рода сунце [10].

Не забыта черногорским поэтом и древняя русская столица: «Москва, мать русской славы», которая тоже «веселится и с поспешностью стекается в храмы, приносит к алтарям жертвы, и их фимиамы вместе с сердечными молениями возносятся к престолу Вседержителя. А звон

колоколов оглашает воздух, и звуки их чрез облака достигают и небес» [10]. Этот небесный «аккорд» придает оде мистическое и профетическое звучание.

Следующая примечательная строфа уводит нас на берега «быстрого и славного Дона со своим храбрым населением», которого поэт призывает: «гордись больше, чем любые реки в мире: рождение твоего великого атамана тебя осветило и на веки украсило твой берег венцом славы» [10]. Отряд элитных казачьих подразделений являлся личной охраной государя, и Негош не раз мог их лицезреть при выезде Николая I со свитой в Петербурге. Мифологически создан поэтом образ Дона, как колыбель казачества, стойких защитников царя и отечества.

Венчают оду строчки, проникнутые славянским патриотизмом: «И всему славянству есть причина вместе с русскими веселиться дню рождения наследника. Будь жив и здоров на благо всем; будь восстановителем прав славянских народов и твердым их щитом, подобно своему храброму отцу; расти скорее Александр, солнце славянского племени; ты дашь нам свет и даруешь свободу» [10].

Последним стихам суждено было стать пророческими: после войны 1878–1879 годов за освобождение славян от турок, после которой получили независимость Сербия и Болгария, Александра II, прозванный Освободитель (за освобождение русских крестьян от крепостного права) сделался освободителем и славян.

Между ранними стихотворениями Негоша есть и одно, посвященное державной Неве, олицетворяющей могущество просвещенной России: «Река Нева, гордость человечества! Ты прославила свой исток больше, чем Дунай, Нил и старый Евфрат. Отовсюду ты дивно украшена воздвигнутыми творцу храмами, царскими дворцами и другими зданиями; берега свои осыпала ты бисером, просвещением – самым драгоценным камнем. Из тебя выросли цветы истинного и гуманного знания» [10].

Здесь и в других одах дан метафорический образ слияния воедино природы и культуры, что может послужить характерным для того романтического времени доказательством и специфичности, и более совершенного характера культуры по отношению к природным образованиям, которые она себе подчиняет, покоряет. Сознание культурного человека склонялось к активному воздействию на природную среду, к культуре разума, к достижению прагматических человеческих целей. В его основе – идея сотворенности природы, а стало быть, упорядочивания ее угрожающей стихийности человеком, убежденность в превос-

ходстве разума человека над природой. Образно обосновывается «философия тождества», фундаментальный принцип которой – абсолютное тождество природы и духа: природа одухотворена. Такое миропонимание в рассматриваемую эпоху подкреплялось немецкой идеалистической философией, шеллингианством, которым были покорены романтические умы русских поэтов-любомудров. Ф. Тютчев писал в 1836 году: «Не то, что мните вы, природа: / Не слепок, не бездушный лик / – В ней есть душа, в ней есть свобода, / В ней есть любовь, в ней есть язык...» [2].

Державный символ России – двуглавый орёл – явлен в этих стихах Негоша философско-поэтической развернутой метафорой с глубоким геополитическим смыслом: «С твоих берегов летят во все стороны орлы, верных защищают, неверных сокрушают и тем до небес возвеличивают твое имя, далеко они разстилают свои крылья, покрыли ими одну шестую часть света, другим дают закон и охрану. Дальний многолюдный Китай приносит дары твоим орлам, чтобы не омрачили они имя Пекина. Гордый Париж и надменный Стамбул отдавали в твои руки свою судьбу и ты увенчала их падших» [10].

Непростая история завоеваний России описана поэтически в нескольких строчках, насыщенных художественными тропами: «Часто с гневом протекаешь ты кровавою и своими валами уносишь безбожников. Собрала ты воедино все короны от северной и до восточной стороны. Непрístupный и высокий Кавказ преклонился пред твоими орлами» [10].

Нева в стихах дана и как олицетворение морского могущества России, явленного и другими фольклорно-славянскими образами кораблей-«лебедей»: «От истока и до устьев ты покрыта кораблями с развевающимися на них флагами... Ты воздвигла огромный храм Нептуну, в котором плавают лебеди и вылетают на широкие воды океана, разрезают грудями их страшный мрак, взмахивают крылами над грозной Фетидой. Их громы от морских пучин до небес оглашают имя Славянина, славного от своей колыбели» [10].

Венчает и скрепляет сущностным смыслом стихотворение, как и в других одах, «славянский» мотив: «О, Нева! Век бы тебе протекать со славой на гордость народам, храбрым Русским и братьям Славянам; вечно бы на тебе царствовать венчанному славой дому Романовых» [10].

Все рассмотренные в ранней поэзии Негоша метафорические, метафизические, символические образы (молодой гений точно «прозревал» их!) разных «ликов» русской цивилизации и истории отразили важнейшие геополитические идеи того времени.

В конце XVIII – начале XIX века начинается смена цивилизационной парадигмы. Под воздействием немецкой философии и романтизма постепенно складывается теория локальных цивилизаций. Европейская «периферия» (с конца XVIII века немцы, с 40-х годов XIX века – и русские) начинала оспаривать первенство Западной Европы в мировом развитии и искала теоретическое обоснование для фиксации своего культурного своеобразия. Тогда и воскрешаются идеи об особом пути и значении России – теперь уже подкрепленные опытом немецких философов: Гердера, Гегеля, Шеллинга, Шлегеля (возможно, молодой Негош уже мог через Милутиновича или, пребывая в России, познакомиться с этими идеями). В 1821 году Гегель в письме барону фон Иксюлю, своему ученику из России, писал о великой миссии России, приходящей на смену изжившим себя европейским государствам [2]. Особенно значимыми для русской мысли оказались в этот период идеи Шеллинга, высказавшего в работе «Система трансцендентального идеализма» мысль о том, что космополитическое состояние («мировое государство») есть провиденциальная цель истории, но эта цель может быть достигнута только усилиями всего человеческого рода, т. е. отдельных индивидов и отдельных народов [2]. В курсе лекций «Философия мифологии» Шеллинг говорил о кризисе западной рационалистической традиции [2].

В связи с этими идеями особенно значимо стихотворение № 8 с эпиграфом:

Ко оће превеће,
Изгуби и вреће [9]

Здесь владыка прославляет недавнее славное прошлое России в 1812 году – борьбу с французским нашествием под предводительством Бонапарта. Победа над Наполеоном, вполне воплотившим прометеевский, героический тип личности, приобретает здесь символическое и метафизическое звучание.

Это важное событие русской и мировой истории. В войну 1812–1814 годов огромное количество русских людей непосредственно соприкоснулось с Западом, а Запад – с мощью русской армии, и на этом фоне расцветает в русском сознании своей национальной самобытности. Слияние всех этих факторов воедино и обусловило возникновение в России идеи национального мессианства. Размышляя над судьбами цивилизации, русская философская мысль и поэзия 1920–1930 годов приходит к противопоставлению материальной и бездуховной цивилизации Запа-

да славянскому миру, организованному на духовных началах единства и любви: эти идеи были духовно сродни поэзии Негоша.

Рассмотренные оды, написанные молодым Негошем на русскую тему проникнуты славянским патриотизмом и уважением к славе и могуществу русской державы. Россия для черногорского поэта уже в ту пору представляла собой мессианский прототип культуры, во внутренне осознаваемую задачу которого входит создание высшего божественного порядка в неупорядоченной вселенной, виделась ему той новой силой, которая действительно способна обновить человечество.

БИБЛИОГРАФИЈА

- [1] Ј. Деретић: „Историја српске књижевности”. Београд, 1996.
- [2] И. И. Замотин: «Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе». Т. 2. Санкт-Петербург–Москва, 1913, с. 40–45.
- [3] С. Калезић: „Његошу пјесници”. Београд, 1940.
- [4] П. А. Лавров: «Петр II Петрович Негош». Москва, 1887.
- [5] В. Латковић: „Петар Петровић Његош”. Београд, 1963.
- [6] С. Милутиновић: „Пјѣванја черногорска и херцеговачка, собрана Чубром Чойковићемъ Черногрцем”. Будим, 1833.
- [7] С. Милутиновић: „Сарајлија, Пјеванија црногорска и херцеговачка, приредило Добрило Аранитовић”. Никшић, 1990. № 25.
- [8] П. П. Његош: „Бој Руса са Турцима 1828 године // Петровић-Његош Петар II: Лиек јарости турске”. Цетин. Печатано у Штампари Црногорској. 1834.
- [9] П. П. Његош: „Бој Руса са Турцима 1828 године // Цјелокупна дјела Петра II Петровића Његоша. У редакцији Данила Вушовића”. Београд: Народна култура, 1936.
- [10] П. П. Његош: „Пустиняк Цетински. Списао у Црној Гори на Цетиню 1833 године”. Цетин. Печатано у Штампари Црногорској. 1834.
- [11] П. П. Његош: „Пустињак цетињски // Дјела Петра II Петровића Његоша”. Панчево: Наклада Књижаре Браће Јовановића, 1885.
- [12] П. П. Његош: „Пустињак цетињски // Цјелокупна дјела Петра II Петровића Његоша. У редакцији Данила Вушовића”. Београд: Народна култура, 1936.
- [13] П. П. Његош: „Цјелокупна дјела”. I–IX. Београд, 1952.
- [14] М. Поповић: „Његош”. Београд, 1962.
- [15] П. А. Ровинский: „Петр II (Раде) Петрович Негош”. Санкт-Петербург, 1889.